

Трагедия Галилея

На первом спектакле «Берлинского ансамбля»

Ленинградцы давно ждали начала этих гастролей. Белый занавес с голубым Никассо, запавес «Берлинского ансамбля», раздвинулась, паконец, вчера в первый раз на любимых национальных подиумах в здании, построенным Росси, у Екатерининского сквера. Театр Александра Пушкина и театр Бертольда Брехта встретились друг с другом — это была великолепная демонстрация интернационального братства и дружбы двух культур, двух народов! Демонстрация, которую не забыть...

О спектакле «Жизнь Галилея» было высказано уже немало оценок в нашей печати в дни московских гастролей, и я хочу сейчас обратить внимание лишь на один из аспектов вопроса.

Обратившись к теме Галилея, Брехт взял на себя задачу попустыни шекспировского дерзания и шекспировской монологи. Мало было событий в новой истории, полных такого многозначительного смысла, как те, что завершились зловещей церемонией 22 июня 1633 года в монастыре «Святая Мария выше Миллерры» в Риме. Силы, столкнувшиеся в этой трагедии, — орден иезуитов, католическое гнездо мрака, с одной стороны, и передовая наука, борющаяся за прогресс и счастье человечества, с другой, — действуют на исторической арене и попытке. Валы исторических переворотов катились один за другим по цепи планете в пропедевтике триста лет, и плуг истории перепахивал целые континенты, но эта пять событий тяготелась непрерывно вплоть до наших дней.

Не было случайностью, что ни один драматург буржуазного мира

вчера спектаклем «Жизнь Галилея» началась в Ленинграде гастроли драматического театра Германской Демократической Республики «Берлинор ансамблъ».

От имени деятелей искусств и зрителей гостей тепло приветствовал главный режиссер Академического театра драмы имени А. С. Пушкина народный артист ССР Л. Вильсон.

— Дорогие друзья! — сказала в ответном слове руководитель театра «Берлинор ансамблъ» Е. Вейголь. — Сердечно спасибо за любовь и предоставленную нам возможность выступать в Ленинграде, городе Октябрьской революции, городе великого Ленина. Мы выполним мечту Бертольда Брехта.

Целью его жизни было создание театра для зрителей нового, социалистического общества. Нам выпала большая честь выступать перед вами в дни, когда Ленинград готовится отметить свое 250-летие. Мы будем горды тем, что театрнесет частичку в общее дело укрепления дружбы между нашими народами.

Спектакль прошел с большим успехом. Ленинградцы преподнесли гостям много живых цветов.

от своей науки? То решение исторической загадки, котороедается у Брехта, — Галилей, с его человеческими слабостями, Галилей, который показал орудия пыток, после чего, устрашающий, он капитулировал, чтобы потом, в новом подвиге, искупить свою вину перед наукой, — это идеальное и художественное решение темы имеет все права на существование, но оно не единственно.

Завеса тайны продолжает витать над процессом Галилея. Драматурга, как и историографа, ждут здесь интереснейшие находки, ждут новые неисследованные возможности, на которые можно сейчас дать лишь намек. Я напомню скжато некоторые факты. В 1812 году Наполеон, окончательно покоривший Италию, приказал перенести из Рима в Париж секретные папки с делом Галилея. Наполеон намеревается опубликовать эти материалы. Русский поход и Ватерлоо помешали сделать это. В течение тридцати с лишним лет, при весьма загадочных обстоятельствах, документы процесса оказываются потерянными и как бы исчезнувшими бесследно. В 1846 году их находят и водворяют на место за железными дверьми архивов Ватикана. В 1848 году народное восстание сотрясает стены вечного города. Воспользовавшись сумятицей, главный архивариус священной канцелярии Мартино Марини, захватив досье Галилея, бежит из Рима. Он публикует потом содержимое этого досье, но в каком виде! На каждом шагу — искажение документов, пропуски целых страниц — фальсификация и подлоги. Это было быстро разоблачено, и другое подставное лицо иезуитов, аббат Л'Эспинуа пишет — в 1869 году — «новую» и «самую полную» документацию процесса Галилея. Кропотливая работа истори-

ков, — она продолжается и по сей день (укажем на труды М. И. Выгодского в ССР, Кестена и Саптия за рубежом), — приподнимает в последние годы завесу над тем, о чем догадывались уже давно. Историография и литература начинают выплачивать свой долг Галилею! «Мир содрогнулся бы, — читаем в его письме, посланном тайно от соглядатаев Флорентийского другу Буонамичи, — если бы смог узнать о заговоре испанцев, именитым мастером пыточных дел, знающим точно, сколько кусков мяса надо вырвать и сколько костей сломать, чтобы вытрясти уверенность в движении Земли!»

Многое неожиданностей, повторяю, подстерегает писателя и драматурга, желающего взяться за работу над трагедией Галилея. Если вспоминать, скажем, знаменитую фразу «А все-таки она вертится», то может оказаться, что напрасно либеральные историографы поспешили объявить ее легендой. Достоверность произнесения этой фразы под-

тверждает, в частности, ученик Галилея Вивиани, писавший по свежим следам трагедии. И, наконец, наиболее загадочный эпизод, связанный с благородческим прохождением Галилеева «Диалога» через папскую цензуру (после чего странным образом князя была склонена инквизицией и автор ее предстал перед судом), — этот эпизод все более разъясняется как сознательная провокация, как ловушка, расставленная Галилеем... Да, все это — контуры шекспировского размаха трагедии, первые (но только первые) подступы к театральному воплощению которой блестательно завоевал Брехт.

Дело, начатое великим немецким драматургом, будет — в этом нет никакого сомнения — подхвачено и продолжено литературой социализма, как будет изучаться и опыт театрального воплощения «Жизни Галилея», реализованного «Берлинским ансамблем». Еще долго будут спорить, например, и посхищаться по поводу коричнево-фиолетово-белой гаммы красок, исполненной талантливым художником Каспаром Нехером на подиумах своего театра, — художником, сумевшим чудесным образом вместить многогранное и сложное зрелище в пространстве между тремя скучными иллюстриями... Гений Эриста Буша в роли Галилея подвергается особому и тщательнейшему изучению: заметят не только рисунок его жеста и мимики в сценах борьбы и оптимизма, и не только его шатающуюся походку после Зинзиппенфингена, после катастрофы 22 июня. Замечено будет, как в последние минуты действий Буш — Галилей жаждет естества (находка потрясающей психологической силы), уходя от зрителя и оставаясь в полуумраке, уходя в вечность... Оценивая сцену облечения Урбана Восьмого, люди театра не пройдут мимо совершенного музыкального построения всей этой сцены, в которой каждый взмах рук, подносящих одеяния, каждыйintonационный и смысловой ход в диалоге образуют ритмическое единство.

О сцене на базарной площади, о комедианте, поющем «балладу про Галилея», и о карнавале масок (чтим кульминационным пунктом является появление гигантского, подобного Гаргантюа, чучела), — об этой сцене, как о квинтэссенции стиля брехтовского театра, писалось уже не раз и будет написано еще больше.

Писалось и говорилось совершенно справедливо, что театр Брехта есть подлинно театральный театр, и действительно в нем нет ни одного «пустого» жеста, ни одной «пустой» реплики, которые не были бы театрально оправданы и не были бы изложены из острого и напряженного языка театра.

Что касается работы других актеров, то если не считать таких ролей, как роль госпожи Сарты, ис данная благодарных возможностей для Анжелики Хурнич, надо с особой изложкой упомянуть, например, о Регине Луц, играющей dochь Галилея Верджинию. В роли девушки, теряющей жениха и превращающейся в одеревеневшую и подобную монахиню, легко соискать витами и междудрамы. Этого не случилось у Регины Луц.

Замечательно, между прочим, и то, что цесса, подобная «Жизни Галилея», пьеса-хроника, пьеса, по существу своему лишенная сквозного действия и связной фабулы, насыщенная к тому же пророческими философскими диалогами (все это, как известно, является «букой» для некоторых наших отечественных театральных пуритан), — что именно эта пьеса оказывается в театре Брехтаисколько не противоречащей так называемым «законам театральности». Отличнейшим образом, говорю я, пьеса этого рода была претворена в спектакле высокого театрального напряжения.

Поучительный спектакль!
В. ЛЬВОВ

На снимке: сцена из I акта; Галилей — артист Эрик Буш (слева) и куратор — артист Ганс Хамахер
Фото Г. Чертова

